

А.В. Юревич

СОЦИОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В статье рассматривается влияние социальных факторов на психологическое знание. Автор выделяет две основные группы таких факторов: а) «внешние», действующие на уровне общества в целом, б) «внутренние», локализованные в психологическом сообществе. По мнению автора, воздействие и тех, и других на научное знание неизбежно, и наиболее рациональной позицией является не «очищение» психологической науки от этого влияния (что невозможно в принципе), а его аналитическая реконструкция, которой и посвящена статья.

Ключевые слова: психологическая наука, общество, психологическое сообщество, психологическое знание, социальная методология, «внешние» и «внутренние» социальные факторы.

Социальная методология психологии

Согласно трехаспектному подходу, предложенному выдающимся отечественным психологом М.Г. Ярошевым, существуют три основных вида детерминант возникновения и развития научных идей — предметно-логический, социально-научный и личностно-психологический, и любой феномен научной деятельности может получить адекватное науковедческое объяснение только в системе соответствующих координат [42]. Необходимость обращения к социальным истокам научных идей регулярно акцентируется в психологии. Например, В.И. Олешкович пишет о том, что «опыт З. Фрейда имеет свои социальные причины и механизмы его производства, восстановление которых является условием понимания фрейдовского знания» [15, с. 34–35].

В традиционном науковедении второй и третий виды детерминации научного познания, как правило, объединяются в один (что в определенной мере свидетельствует о недооценке самостоятельной значимости психологических факторов познания), и, соответственно, принято выделять два основных вида детерминации — когнитивную

и социальную. Когнитивная включает внутреннюю логику развития научных идей — как частных, относящихся к конкретным исследовательским областям, так и общих, представленных в виде парадигм, исследовательских программ, исследовательских традиций и т.п. Социальная охватывает все множество социальных факторов, действующих на разных уровнях — общества в целом, научного сообщества, конкретных исследовательских групп и др. — и оказывающих влияние на приращение научного знания.

Выделение когнитивной и социальной составляющих научного познания запечатлено как в общей структуре науковедения, основными разделами которого принято считать философскую методологию науки и социологию науки¹, так и в структуре самих его разделов. В частности, наряду с традиционной историей науки, изучающей развитие самих научных идей, существует и *социальная* история науки, анализирующая влияние социальных факторов на это развитие. Налицо не только разделительная тенденция — к выделению

¹ Вообще же этих разделов насчитывается намного больше (см. [41]).

двух основных слагаемых научного познания, проходящая по большинству разделов науковедения, но и тенденция объединения, выражающаяся в изучении взаимосвязи когнитивных и социальных факторов познания и выходящая за пределы науковедческих дисциплин. В частности в современной социологии видное место занимает социология знания, основания которой заложили К. Мангейм [13] и его последователи.

Совершение двух описанных и взаимосвязанных ходов целесообразно и в методологической рефлексии психологии. С одной стороны, существует необходимость в дополнении общей методологии психологии, к которой традиционно сводится (хотя и не полностью) эта рефлексия, социологией психологии как изучения социальных факторов психологического познания, с другой — разделение когнитивных и социальных факторов развития психологии целесообразно дополнить их синтезом — в виде *социальной методологии психологии*, изучающей развитие психологических идей в контексте их социальной детерминации и образующей связующее звено между методологией психологии и ее социологией.

«Внешняя» социальная детерминация психологического знания

Одна из главных форм такой детерминации состоит в отображении в когнитивном поле науки идей, распространяемых в обществе и пользующихся популярностью на определенном этапе общественного развития. Применительно к психологической науке эта связь акцентирована многими ее представителями. Например, автор одного из наиболее популярных в нашей стране переводных учебников по социальной психологии Д. Майерс пишет: «Совершенно естественно и неизбежно, что предшествующие убеждения и ценности будут влиять на то, что думают

и о чем пишут социальные психологи» [11, с. 38].

Идеологемы, распространенные в обществе, как правило, продуцируются в науке и первоначально выступают в виде собственно научных идей, затем распространяются в обществе в виде социальных идеологем, а впоследствии возвращаются в науку в трансформированном их «социальной обработкой» виде. Ярким примером может служить идея либерализма. Порожденная в науке, точнее, в философии, она затем распространилась в обществе, породив глобальные социальные изменения во многих странах и то, что с рядом оговорок можно назвать «либеральным обществом». Наука, существующая в либеральном обществе, в свою очередь испытывает его обратное влияние как в форме соответствующей атмосферы в научных институтах и способа их организации (социальное влияние), так и в виде либеральной окраски идей, популярных в науке (когнитивное влияние). В частности, в нашей стране «начавшаяся в 1985 г. перестройка принесла либерализацию, и то, что до этого происходило почти подпольно, на неформальных научных кружках и домашних семинарах, вышло на поверхность и внесло новую струю в академическую и профессиональную жизнь» [24, с. 333].

Ярким примером «возвращения» в науку общесоциальных идей, порожденных ею, может служить распространение «методологического либерализма» [32] и его различных версий — «методологического плюрализма» [23] и т. п. — в отечественной психологии. Соответствующие идеи — о необходимости сочетания различных исследовательских подходов, невозможности одной «единственно правильной теории» и т. д. — были высказаны в отечественной психологии в начале 90-х гг. истекшего столетия, когда в нашем обществе наблюдался пик популярности либеральных идей, что явно

не было простым совпадением внутринаучных и общесоциальных настроений. В те же годы в нашей психологии наблюдались и пик популярности «методологического анархизма» П. Фейерабенда, который некоторые отечественные психологи до сих пор не отличают от «методологического либерализма» (отметим в данной связи, что вообще в наших российских традициях — путать либерализм с анархизмом). Характерным было и то, что на различных психологических форумах методологической направленности, проводившихся в нашей стране, обнаруживалось явное количественное доминирование представителей наиболее либеральной — гуманитарной — парадигмы над сторонниками естественно-научной парадигмы, предполагающей существенно больший методологический ригоризм [36].

В дальнейшем на фоне отчетливо выраженного, говоря словами политологов, «отката» нашего общества от либеральной идеологии² начала проявляться и тенденция к «ригоризации» методологии психологического познания. Громче зазвучали голоса противников «методологического плюрализма» — «методологических монистов» и т.д. ([25] и др.), а «методологические либералы» стали предпринимать попытки «ужесточения либерализма» и его отграничения от «методологического анархизма», нашедшего концентрированное выражение в широко известном кредо П. Фейерабенда «все дозволено» [27]. В последние годы активизировались также усилия по разграничению научной психологии с паразитирующими на ней всевозможными формами эзотерики, а также с поп-психологией и т.п., что тоже можно рассматривать как проявление тенденции к отсечению «чрезмерного либерализма»

в отечественной психологической науке и практике.

Близкие тенденции еще раньше были зафиксированы в западной психологии. И.Е. Сироткина и Р. Смит, сопоставив две психологические работы — Р. Кастеля, Ф. Кастеля, А. Ловелл [44]³ и Н. Роуза [48], разделенные тридцатилетием, пришли к такому выводу: «Если сравнивать написанную в 1970-х годах работу Кастелей и Ловелл с вышедшей тридцать лет спустя книгой Роуза, можно увидеть смену политической установки с леворадикальной на консервативную. Если поколение шестидесятников считало, что контроль общества может угрожать индивидуальной свободе, то следующее за ним поколение, взгляды которого сформировались в гораздо более консервативной атмосфере 1980-х годов, не мыслит свободу иначе, чем интернализированный социальный контроль» [22, с. 120].

Именно с этой сменой общественных настроений, в свою очередь «интернализированных» психологической наукой, И.Е. Сироткина и Р. Смит связывают стремительный расцвет психологии в конце прошлого века, а также формирование, в их терминологии, «психологического общества», в котором «человеческая идентичность и смысл жизни задаются преимущественно с помощью психологических категорий» [22, с. 120]. Западное общество осознает необходимость контроля над индивидом (в этой связи уместно вспомнить традицию, восходящую к Т. Гоббсу, Дж. Локку и др.), однако в либеральном обществе внешний контроль над ним уступает место внутреннему, реализуемому с помощью различных психологических технологий [22]. Еще ранее эта тенденция была подмечена М. Фуко, описавшим, как на смену физическим наказаниям пришли

² Выразившегося, например, в том, что наша наиболее «либеральная» партия — СПС — на последних выборах в Государственную думу набрала менее 1 % голосов, и в других подобных симптомах.

³ Ссылка дана на издание 1982 г., но первое издание этой работы вышло намного раньше.

наказания психологические в виде, например, тюремного заключения [28].

Достаточно большое внимание уделяется и другой характеристике западного общества, оказавшей большое влияние на развитие психологической науки, — его индивидуализму. Те же авторы — И.Е. Сироткина и Р. Смит — пишут об «индивидуализации и психологизации современных социальных отношений» [22, с. 116] как об одной из главных предпосылок стремительного развития психологической науки и практики. При этом скажем, американское общество считается более индивидуалистическим, чем европейское. Это, как неоднократно отмечалось, находит выражение в большем тематическом и методологическом «индивидуализме» американской психологии в сравнении с европейской, выдвинувшей представленную работами С. Московичи, У. Тэшфела и др. «социальную альтернативу» в качестве собственно методологической. В частности, как пишет Г.М. Андреева, «обязательный учет социального контекста в социально-психологическом исследовании является своеобразным “знаменем” европейской социальной психологии» [2, с. 20].

Соответствующие изменения более чем рельефно представлены и в отечественной психологии. Коллективизм советского общества (в данном контексте не стоит вдаваться в дискуссию о том, был ли он реальным или вымышленным, существовавшим лишь на уровне идеологических деклараций) напрямую проецировался на теории, разрабатывавшиеся в советской психологии, и оказывал на нее более тонкое, но тоже очень зримое влияние. Как отмечает В.Б. Хозиев, «От психологии во времена “побеждающего” социализма как раз требовалось эмпирическое подтверждение социальной (а в ортодоксальном марксизме — социально-экономической) детерминации конкретного человеческого поведения,

для чего в идеологически удобную иерархию детерминант выстраивались поочередно общество, ближний социум и семья» [29, с. 192]. В то же время В.А. Кольцова пишет о том, что «генетически в советскую психологическую науку были заложены определенные противоречия, обусловленные ее развитием в рамках единой философской парадигмы, жестких административно-командных форм руководства и идеологического контроля (отрыв от мировой психологии, отказ от разработки “идеологически непринятых” проблем и т.д.)» [8, с. 12].

Радикальные изменения нашего общества оказали большое влияние на отечественную психологическую науку и практику. Как подчеркивает И.А. Мироненко, «процессы, происходящие в современной российской психологической науке, во многом определяются социальной реальностью, в которой эта наука существует, и отражают противоречивые интересы взаимодействующих в этом поле людей» [14, с. 166]. То же самое констатирует В.А. Кольцова: «Трудности, переживаемые современной российской психологией, вызваны, как представляется, в первую очередь общественно-историческими факторами: преобразованиями в области экономической и социально-политической жизни, сменой системы общественных ценностей, изменением научной политики государства, кризисом марксистской философии, состоящем в отказе от гносеологического монизма и утверждении принципа научного плюрализма, недостаточностью социальной, идеологической и материальной поддержки науки» [8, с. 12].

Можно выделить как минимум пять глобальных изменений в отечественной психологии, вызванных трансформациями ее общесоциального контекста. Во-первых, исчезла «коллективистская подоплека» отечественных психологических теорий и других видов производимого

у нас психологического знания. Во-вторых, в нашем обществе появилось немало богатых людей, которые считают просто неприличным не иметь личных психологов, что стимулировало развитие соответствующей формы психологических услуг (в советское время практикующие психологи работали в основном не с индивидуальными клиентами, а с организациями). В-третьих, основные формы внешнего контроля над индивидом, характерные для советского общества, — цензура, парткомы, райкомы, народный контроль, товарищеские суды и т.п. — сейчас отсутствуют. Существуют лишь две формы внешнего контроля над гражданами — суды и криминальные структуры, чего явно недостаточно (в частности отсутствуют какие-либо внешние формы *морального* контроля, что играет большую роль в общепризнанной моральной деградации нашего общества). Их дефицит создает повышенную нагрузку на внутренний контроль, в роли которого выступают психологические техники⁴. В-четвертых, индивидуалистическая идеология предполагает первостепенную заботу о себе, в том числе о своем психологическом благополучии, тоже играющую большую роль в расцвете психологической практики. И, наконец, в-пятых, общее изменение соотношения пропорций психологической науки и практики, характеризуемое тем, что на 150-тысячную армию практикующих психологов у нас приходится лишь два психологических НИИ, тоже во многом связано с креном нашего общества к индивидуализму. Психологическая наука «обслуживает» глобальных коллективных субъектов — государство, национальную

науку, мировую науку, человечество, а психологическая практика — в основном субъектов индивидуальных или «умеренно коллективных», таких, как коммерческие фирмы и организации.

Описанные социальные изменения влияют как на общую траекторию развития отечественной психологии, на изменение соотношения академической и практической психологии и др., так и на ключевые траектории развития психологического знания. В частности, традиционная «академическая» траектория, выражаемая схемой «исследование — научная статья — монография — диссертация», все чаще воспринимается как порождающая чисто «бумажное знание», которое вообще не имеет смысла за пределами академической психологии (какой смысл за ее пределами имеет, например, типовой продукт академического исследования — коэффициенты корреляции между переменными?) и явно недостаточное. Ощущается острая потребность продолжить эту траекторию и довести ее до практики, что характерно для естественных наук. Эта потребность ощущается достаточно давно. Так, Г.П. Щедровицкий в начале 80-х гг. истекшего века говорил о том, что «Мы уже не можем дальше играть в игру развития научной техники. Теперь требуется другое: вести исследования так, чтобы результаты их внедрялись в практику, чтобы научное исследование было замкнуто с соответствующей техникой, и чтобы исследование, техника и практика были завязаны между собой в более сложные организмы» [31, с. 140]⁵.

⁴ В частности, так называемая «контролируемая демократия» — это демократия, контролируемая с помощью различных политехнологий, в разработку и применение которых большой вклад вносят психологи, за что им уже давно пора бы начать нести как минимум моральную ответственность.

⁵ Подчеркнем в этом высказывании очень существенный момент: по мнению Г.П. Щедровицкого, надо не просто внедрять результаты научных исследований в практику (эта тривиальность — общее место любых бюрократических программ развития отечественной науки), а «вести исследования так, чтобы результаты их внедрялись в практику», т. е. закладывать ориентацию на практику в *организацию* исследований.

Аналогичные потребности проявляются и в отношении к различным видам психологического знания, в частности к психологическим теориям. Нетрудно заметить, что на различных психологических конференциях, которые часто носят название научно-практических, общие психологические теории упоминаются довольно редко, зато очень востребованы «теории среднего ранга», имеющие непосредственный выход на практику⁶. «Практический крен» проявляется и в тематике психологических исследований, например, в широком распространении «погруженных в практику» исследований, в процессе проведения которых психолог, работающий в какой-либо фирме, одновременно и решает ее психологические проблемы, и собирает материал для своей диссертации.

В.Е. Семенов усматривает еще более конкретную связь между трансформациями нашего общества и происходящим в отечественной психологии. По его мнению, в этом обществе сформировалось несколько основных видов менталитета, находящихся выражение в психологической науке и практике. «Так, *индивидуалистско-капиталистический менталитет*, ориентированный на ценности западного рыночного мира, выражается последователями многочисленных направлений западной психологии (от архаичного фрейдизма до гуманистической психологии, от практики Т-групп до НЛП и т.п.)» [21, с. 41]. «*Коллективистско-социалистический менталитет* продолжает жить прежде всего в работах психологов старшего поколения (труды в русле отечественных теорий отражения, деятельности, отношений, коллектива и др.). *Мозаично-эkleктический псевдоменталитет* и в какой-то мере даже *криминальный менталитет* выражаются

различными антинаучными, но широко рекламируемыми мистическими и шарлатанскими психопрактиками («иррациональная психология», психоастрология, всевозможные самозваные психоаналитики, «белые» и «черные» маги с их приемами внушения и зомбирования). *Наконец, православно-российский менталитет*, имеющий тысячелетнюю историю, начинает все активнее проявляться в работах и практике православно-ориентированных психологов, сочетающих научный подход с ценностями православия (любовь к Богу и ближнему, совесть, духовность, соборность, противостояние порокам и др.)» [21, с. 41]. Возможно, автор этой систематизации слишком утрирует обозначаемые им связи между общесоциальным и внутриспсихологическим. Скажем, далеко не все психологи, проводящие Т-группы, являются носителями «индивидуалистско-капиталистического» менталитета. Но менталитет различных категорий современных отечественных психологов, несомненно, имеет особенности, связанные с общесоциальными процессами.

Любопытная форма «внешней» социальной детерминации психологического знания проявляется в связи с образом российской психологии, сформировавшимся за рубежом. Стерев все частные нюансы этого образа и абстрагировавшись от его специфических особенностей, характерных для различных стран и конкретных психологов, его можно представить как мнение о том, что российская психология — это труды таких ее корифеев, как Л.С. Выготский⁷, А.Р. Лурия и др., со времен которых в ней, якобы, не сделано ничего сколь-либо значительного.

⁶ Т.В. Корнилова называет их «особыми практико-ориентированными теориями» [9].

⁷ Отметим, что с годами интерес зарубежных психологов к работам Л.С. Выготского только возрастает, что проявляется в росте индекса цитирования его работ. По данному показателю Л.С. Выготский сейчас опережает многих признанных классиков зарубежной психологии [47].

В отечественной психологии такое ее восприятие за рубежом, в первую очередь, на Западе, переживается довольно болезненно, о чем свидетельствуют все основные виды реакции на это восприятие. Первый вид реакции состоит в утверждениях о том, что этот образ неадекватен. В отечественной психологии со времен Лурии и Выготского сделано немало значительного, но ее достижения этого периода мало известны зарубежным психологам в силу ряда причин. Соответственно, предлагаются меры по исправлению ситуации путем доведения этих достижений до зарубежных психологов. Второй вид реакции сводится к тому, что если последние достижения отечественной психологии мало известны за рубежом, это несколько не умаляет ее достижений, а характеризует зарубежных психологов, которые не знают русского языка и не читают наших психологических журналов, что обедняет не российскую, а зарубежную психологию⁸. Реакция третьего типа, в основном характерная для наших психологов-эмигрантов (и полуэмигрантов) и наиболее дискомфортная для нашей психологической науки, состоит в самоуничижительном признании адекватности ее зарубежного образа и, соответственно, того, что со времен Лурии и Выготского в ней и в самом деле не сделано ничего существенного.

Не обсуждая вопрос о том, какая из подобных реакций на образ российской психологии, сложившийся за рубежом, более адекватна, подчеркнем его парадоксальность, связанную именно с внешними по отношению к психологической науке социальными факторами. Достижения российской психологии,

ассоциирующиеся с именами таких ее представителей, как Лурия и Выготский, и получившие наибольшую известность на Западе, относятся к тому периоду ее развития, когда она существовала за «железным занавесом»: когда отечественные психологи гораздо реже, нежели сейчас, ездили за рубеж, хуже знали иностранные языки, почти не публиковались в зарубежных научных журналах, испытывали большие трудности во взаимодействии с иностранными коллегами, не имели возможности пользоваться электронной почтой и Интернетом и т.п. Сейчас они интегрированы в мировую науку Всемирной паутиной, регулярно ездят в зарубежные страны, публикуются в иностранных научных журналах, состоят в различных международных научных организациях и постоянных контактах с зарубежными коллегами⁹.

Естественно, уровень интеграции современной российской науки вообще и психологии в частности в мировую науку не следует переоценивать. Сейчас отечественные НИИ имеют меньше средств на международное сотрудничество, нежели в советские годы, самая «свежая» зарубежная научная литература, имеющаяся в наших библиотеках, относится к началу 1990-х гг., большая часть отечественных ученых по-прежнему плохо знают иностранные языки. Однако все же, если принять во внимание описанный выше зарубежный образ российской психологии, налицо очевидный парадокс: скрытая за «железным занавесом» и развивавшаяся в относительной изоляции от мировой науки отечественная психология была лучше известна и выше ценилась за рубежом, нежели нынешняя, «открывшаяся» миру.

Не претендуя на объяснение этого парадокса, обозначим два связанных

⁸ Такая реакция, выразимая формулой «если они нас не знают, тем хуже для них», становится все более характерной для всего нашего научного сообщества и явно связана с таким макросоциальным фактором, как нарастание патриотизма и антизападнических настроений в современной России.

⁹ Об основных проявлениях «глобализации» современной российской науки и ее интеграции в мировую науку см. [40].

с ним обстоятельства. Во-первых, на фоне общепризнанной в результате работ Т. Куна, И. Лакатоса и др. некумулятивности развития любой науки все же разными научными дисциплинам свойственна различная степень кумулятивности. Она наиболее высока в естественных науках и более низка в социогуманитарных, таких, как психология. В менее кумулятивных дисциплинах, где последующее накапливаемое ими знание испытывает меньшую зависимость от предыдущего¹⁰, где гораздо меньше удельный вес общеобязательного знания, которым должен обладать каждый их представитель, наблюдается и меньшая зависимость национальной науки от мировой. Соответственно, такие научные дисциплины, как психология, несут меньшие потери от относительной изоляции (полная изоляция национальной науки, по-видимому, вообще невозможна) от мировой науки, нежели такие, как генетика или кибернетика, достаточно успешно развиваясь и в «собственном соку». Во-вторых, как это ни парадоксально и необычно с позиций традиционных представлений о науке, подобная изоляция не только препятствует, но и может способствовать ее успешному развитию. Дело в том, что погружение в мировой

«мейнстрим» неизбежно стирает специфические особенности национальной науки и делает ее более похожей на науку других стран, а относительная изоляция, напротив, способствует проявлению этих особенностей. Достаточно хорошо известно, что интерес Запада к концепции Л.С. Выготского¹¹ был во многом обусловлен тем, что в ней акцентирована линия детерминации психического, которой остро не хватало западной психологии ([47] и др.). Эта концепция, очень не похожая на западные психологические теории и тем интересная для Запада, вобрала в себя специфический социальный контекст советского общества, дух противодействия западной науке, во многом порожденный идеологическим заказом, исторически обусловленную специфику российского менталитета и многое другое.

Похожая ситуация определяет интерес западной психологии к восточным системам знания о человеке, но разработанным не в современной психологической науке таких стран, как Индия и Китай, интегрированной в западную науку и мало от нее отличающейся, а порожденных традиционной восточной наукой, существовавшей в изоляции от западной. Социокультурная «привязка» психологических теорий и других видов психологического знания, по-видимому, во многом ответственна и за тот факт, что, например, в США, наименьшую долю – 9% – ученых-иммигрантов со степенью доктора наук составляют именно психологи [45], очевидно, многое теряющие при перемещении в инородную социокультурную среду. Она во многом объясняет и то, давно подмеченное обстоятельство, что российские эмигранты-социогуманитарии «теряются» в западной науке и, в отличие

¹⁰ Здесь уместно вспомнить, что каждая новая глобальная система психологического знания возникает «как бы на пустом месте», а весь предшествующий ей опыт развития психологии либо вообще игнорируется, либо, в лучшем случае, рассматривается как коллекция поучительных ошибок (см. [35]). В данной связи следует привести и наблюдение Д. Прайса о том, что, если в естественно-научных дисциплинах круг чтения исследователей носит концентрированный и четко очерченный характер, то в социогуманитарных науках он является дисперсным и расплывчатым [19], что иллюстрирует тот же факт – намного меньший удельный вес в последних «общеобязательного» знания. А.Л. Харгенс продемонстрировал, что наиболее часто цитируемые источники в социогуманитарных науках сменяются намного чаще, чем в естественных [46], что также свидетельствует о большей релятивности основополагающего социогуманитарного знания.

¹¹ Общепризнано, что «в период с 1960-х по 1990-е гг. его работы оказали значительное влияние на западную психологию» [24, с. 327], которое в дальнейшем еще более возросло [47].

от наших эмигрантов-физиков, математиков, биологов, программистов и др., крайне редко выходят в ней на лидирующие позиции. В данной связи уместно вспомнить концепции таких выдающихся российских философов, как И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев и др., которые могли быть разработаны только в России, впитав в себя уникальные особенности российского философского мышления и соответствующей социокультурной среды. В подобных случаях, охватывающих и психологические теории, влияние внешних по отношению к науке социальных факторов на системы научного знания более чем очевидно.

По всей видимости, для развития мировой науки вообще и психологии в частности оптимальным является не только теоретико-методологический плюрализм, узаконенный постмодернизмом, но и *плюрализм более глобальных интеллектуальных пространств*. А ее помещение в какое-либо одно интеллектуальное пространство, скажем, построение всей мировой социогуманитарной науки по образу и подобию американской¹², ее существенно обедняет.

«Внутренняя» социальная детерминация психологического знания

Данная форма социальной обусловленности научного знания тоже хорошо проработана в социологии науки, например, в рамках микросоциологии науки, продемонстрировавшей зависимость знания, продуцируемого научными группами, от их микросоциальных и психологических характеристик. Микросоциологией науки акцентирована и наиболее «радикальная» форма такой зависимости: по мнению К. Кнорр-Цетины, А. Блю-

ма и др., исследовательская реальность не просто изучается, а «конструируется в стенах лаборатории», аккумулируя в себе характеристики не только изучаемых научными группами объектов, но и самих этих групп (см.: [37]).

Популярные в науковедении исследования научных школ тоже демонстрируют большую зависимость продуцируемого ими знания от социальных и психологических факторов, таких, как личность руководителя школы, взаимоотношения между ее представителями и т.д. [30]. Основной фактор жизнеспособности научных школ тоже носит социальный характер: одних научных идей, даже выдающихся, недостаточно для их формирования, они не возникают, если ученые не оставляют после себя учеников и последователей [42].

Макросоциальная организация научной деятельности отображается в ее микросоциальной организации. Например, в советской социогуманитарной науке можно было наблюдать такой феномен, как «эффект начальника», во многом содействовавший широкому распространению научных школ. Ученый, занимавший высокую должность, как правило, становился автором научной теории, а большая часть его подчиненных становилась ее адептами, в результате чего наблюдалась очень высокая корреляция между местом работы отечественных ученых и их теоретико-методологическими позициями. Происходило это в силу распространенного стереотипа, предполагавшего сочетание власти и научной компетентности: «Руководитель учреждения социальной науки в отличие от руководителей в других социальных сферах обязан быть помеченным научными этикетками, как бы сосредоточивая в себе власть и научную компетентность» [20, с. 168]. Либерализация нашего общества и рассредоточение источников власти изменили эту ситуацию. Как пишет Г.С. Батыгин,

¹² Это выражается в частности в трактовке любой национальной науки, не похожей на американскую, как неполноценной, недоразвитой, *недонауки* и т.п., весьма характерной для наиболее уничижительного способа восприятия современной российской психологии.

«возможно, в середине 1990-х годов в российской науке произошла незримая революция. Сохранение видимости системы научных учреждений (и видимости зарплат) амортизировало реструктурирование академического сообщества: отныне статусная стратификация (за немногими исключениями, связанными с доступом к уникальному экспериментальному оборудованию) уже не определяет профессиональную карьеру и индивидуальные вклады научного сотрудника» [5, с. 327].

Ныне подчиненные испытывают куда меньшую зависимость от начальников в плане распространения и развития их идей, да и сами начальники под влиянием общей социально-психологической атмосферы в нашем обществе стали демократичнее и от своих подчиненных этого, как правило, не требуют. Г.С. Батыгин отмечает, что «в середине 1990-х годов сформировался рынок научной и учебной литературы, освоение которого зависит прежде всего от индивидуальной активности автора, а не от его позиции в академической иерархии» [4, с. 33]. А П.Г. Арефьев констатирует, что «жесткую иерархию устоявшихся институтов вытесняет неформальная коммуникация виртуальных “невидимых колледжей”, “клик”, члены которых используют свою технологическую мобильность, профессиональные навыки и технические средства в качестве инструмента для перераспределения трансэпистемических ресурсов, в первую очередь капиталовложений в научно-исследовательскую деятельность, и регулирования финансовых потоков» [3, с. 263]. Поэтому «на смену традиционной интеллектуальной элите приходит новая, более продвинутая в технологическом плане элита виртуального пространства с известным стремлением к реинституционализации отношений для закрепления достигнутых социальных позиций» [3, с. 263].

Либерализация отношений в наших научных коллективах сказалась также на тематической карте отечественной науки, по крайней мере, социогуманитарной. Например, обследование тематического поля современной отечественной социологии, осуществленное И.А. Климовым, продемонстрировало, что «безусловно лидирующих тематик нет» [7, с. 215]. То же самое можно сказать про психологию и другие социогуманитарные дисциплины, ставшие плюралистичными в плане отсутствия не только доминирующих концепций и общеметодологических ориентаций, но и отчетливо выраженных фокусов исследовательской проблематики. Связь всего этого с размытием социально-статусной «вертикали» отечественной науки достаточно очевидна. Прежде ученые-начальники имели возможность навязывать своим подчиненным не только теоретико-методологические ориентации, но и проблемы для изучения, что обычно предполагало возделывание ими исследовательского поля, очерченного мэтрами. В нынешней российской науке существуют куда меньшие возможности подобного влияния, что имеет и положительные, и отрицательные последствия.

Микросоциальная детерминация психологического знания отчетливо проявляется и в таком феномене, как его «социализация». Знание зависимо от коммуникативных процедур его распространения, что нашло выражение, например, в «коммуникативной парадигме», в последнее время развиваемой В.А. Мазилковым ([12] и др.). Любая научная теория или идея, любой открытый ученым факт даже в эпоху Интернета, создающего беспрецедентные возможности научного общения, не становятся автоматически достоянием всего научного сообщества, предполагая *признание* им данного факта, идеи или теории в качестве, во-первых, собственно научных (что оставляет, например, порождения паранауки или,

как сейчас принято выражаться, «альтернативной науки» за пределами системы научного знания), во-вторых, достаточно существенных. Это признание невозможно без активной деятельности ученых по распространению произведенного ими знания, что требует незаурядных пиа-способностей. Как отмечает М.К. Петров, «все открытия, особенно крупные, проходят путь от зарождения в форме точки кумулятивного роста до полной ассимиляции в матрице производства и в общесоциальной матрице познания» [17, с. 108]. Вместе с тем история науки знает немало случаев, когда новое знание не становилось достоянием научного общества из-за того, что его создатели не проявляли достаточной активности в его распространении (см. [37]). А хрестоматийным примером знания, не прошедшего социализацию, служат диссертации, выглядящие как «кладбища фактов», которые, если диссертант не публикует их в своих книгах или статьях, сохраняются лишь в памяти его оппонентов, да и то, если у них хорошая память.

«Социализация» психологического знания предполагает его распространение в виде статей, книг, выступлений на конференциях и т. п., и понятно большое значение, которое психологи придают всему этому. Известно, например, что «З. Фрейд специально занимался деятельностью, направленной на представление открытого им знания», «предпринимал очень много усилий для презентации (говоря на современном языке) психоанализа как целостного учения» [10, с. 130]. Ю.М. Плюснин выделяет два типа ученых: «цеховиков» и «презентаторов», подчеркивая, что «презентационное поведение» становится все более характерным для современной науки [18]. Достаточно очевидна и роль микросоциальных факторов в этом процессе — зависимость возможностей «социализации» знания, произведенного ученым, от его статуса, возможности

издавать монографии, доступа к научным журналам и т.п. Однако если традиционными формами «презентационного поведения» ученых были научные публикации и выступления на научных форумах, то теперь ученые все чаще прибегают к помощи СМИ, что делает это поведение зависимым от более широкого спектра социальных факторов (см. [33]).

Подмечены также межкультурные различия в стилях «социализации» психологического знания. Так, Е.А. Климов пишет о том, что, в отличие от зарубежных психологов, «у авторов в российской традиции не принято было рекламировать себя, придавать “товарный вид” и звучные названия интеллектуальному продукту ...вешать яркие компактные вывески на свои научные достижения, в частности оригинальные идеи, концепции» [6, с. 138–139], т.е. российским психологам свойственен менее «рыночный» стиль «социализации», да и вообще использования производимого ими знания. Е.В. Левченко отмечает, что «зарубежные концепции обозначены лаконично, ярко, образно, а отечественные описаны многословно, громоздко, так, что содержание их основных идей приходится еще дополнительно извлекать из имеющихся текстов» [10, с. 129]¹³. А Х. Балзер формулирует вывод о том, что советская и российская социогуманитарная наука отличаются склонностью к теоретическим разработкам («сфера доски и мела»), затрудненностью коммуникации и закрытостью («слабая диффузия результатов»), иерархичностью и тенденцией к воспроизведению тематики, разрабатывавшейся патриархами («менторизм») [43]. В современной российской науке, впрочем, наблюдаются тенденции, если не нивелирующие, то,

¹³ О национальных особенностях науки, существующих несмотря на всю ее интернациональность и не стираемых процессом глобализации, см. [34] и др.

по крайней мере, размывающие ее традиционные особенности.

Закономерно, сложившееся в научном сообществе, в том числе и психологическом, деление публикаций на «первосортные» — монографии и статьи¹⁴ в центральных научных журналах и «второсортные» (данную градацию можно продолжать и дальше) — тезисы, статьи в периферических журналах и др. Это дает основание выделять такие разновидности психологического знания, как *глобальное* и *локальное* (возможны и промежуточные варианты в виде, например, *глокального* знания), *центральное* и *периферическое* и т.д.¹⁵ К глобальному психологическому знанию можно отнести психологическое знание, известное во всем мировом психологическом сообществе или, по крайней мере, в его основной части (в принципе, и различные виды глобального психологического знания в разной степени «глобальны»), например, теорию З. Фрейда, которую, наверняка, в той или иной мере знает любой психолог. Локальное знание тоже в разной степени «локально».

¹⁴ Принято считать, что в социогуманитарных науках соотношение публикаций «переднего края», т.е. журнальных статей, и «монографического эшелона» должно составлять примерно 10:1. Однако в отечественной социогуманитарной науке оно сплошь и рядом нарушается в пользу последнего. Например, в нашей философии в начале 1990-х гг. количество книг в 1,5 раза превышало количество статей [4].

¹⁵ Похожие градации знания и производящие их локусы научного сообщества описаны в науковедческой литературе. Д. Прайс, например, пишет о том, что «группы взаимного цитирования, каждая из которых состоит из центрального стержня, окруженного диффузным телом менее связанной литературы, соответствует в первом приближении научным дисциплинам» (цит. по [17, с. 106]), и о том, что «весь фронт исследования занят четко оформленными “глыбами” авторов, размером примерно в 100 человек, а в пределах каждой такой глыбы действует немногочисленное привилегированное ядро ученых, которые связаны друг с другом сильным взаимодействием» [17, с. 105]. Принято также говорить об «отверженном» знании, его «старении» [17] и др.

Его «верхнюю» разновидность образуют, например, довольно многочисленные достижения отечественной психологии, широко известные в нашей стране, но малоизвестные за рубежом. А его «нижнюю» разновидность представляют собой, скажем, научные достижения некоторого «локального классика» или «научной школы местного значения», малоизвестные за пределами соответствующего региона или институции. Подобные виды локального знания можно отнести к периферийному знанию, в то время как центральное знание (которое далеко не всегда глобально) предполагает его достаточную известность хотя бы в национальном научном сообществе.

В этой связи следует уточнить убежденность многих психологов, особенно психологов-исследователей, в том, что они производят именно *знание*. В данном контексте не имеет смысла касаться достаточно большого для психологической науки вопроса о «мягком» характере психологического знания, о проблемах с его воспроизводимостью, о его отличиях от знания, вырабатываемого точными науками. Психологическое знание таково, каково оно есть, хотя и по параметрам «жесткости», воспроизводимости и др. можно выделить его различные градации [39]. Существеннее необходимость значительного расширения представлений о порождениях психологической науки, к числу которых принадлежит не только собственно знание, но и идеи, парадигмы и т. д., которые знанием в собственном смысле не являются, но подчас играют не меньшую роль и абсолютно необходимы для ее развития. Например, регулярно подвергается сомнению статус теории Фрейда в качестве собственно знания, поскольку ни одно из ее базовых положений не получило нормативного для науки эмпирического подтверждения, однако едва ли найдется система психологических идей, оказавших на психологию

и общество большее влияние, чем психоанализ¹⁶.

Спротивление, которое встречала эта теория, тоже во многом было связано с социальными факторами — с «еврейским» имиджем психоанализа, очень неприятным для его основателя [26], с его неприемлемостью для традиционной морали и т.п. Так, например, в 1896 г. возник скандал после доклада З. Фрейда Венскому психиатрическому и неврологическому обществу: председатель собрания назвал его выступление «научными сказками», а в ответ Фрейд назвал своих критиков «ослами» [1]. На конгрессе немецких неврологов и психиатров в 1910 г. авторитетный профессор Вильгельм Вейгант при упоминании теории Фрейда закричал: «Это не тема для обсуждения на научной встрече, этот вопрос имеет отношение к полиции». На конгрессе в Будапеште заявили, что работы Фрейда — порнография, а психоаналитикам место в тюрьме. Профессор Г. Оппенгейм предложил организовать бойкот любому учреждению, где будут терпимо относиться к психоанализу. Австрийский священник Д. Фрейзер лишился места из-за благосклонного отношения к фрейдизму. В Берлине в 1909 г. с работы уволили М. Вульфа с формулировкой «за психоанализ». Шведскому филологу Спербергу не дали звания доцента из-за написанного им эссе о сексуальном происхождении речи и т.д. [26]. И, как отмечает В.М. Аллахвердов, «налет скандальности сопровождает психоанализ до сих пор», а «большинство современных психологов рассматривают психоанализ как не более чем набор метафор» [1, с. 190–191].

¹⁶ Е.В. Левченко характеризует систему взглядов З. Фрейда как «торф» — «питательный слой почвы, который будет способствовать плодотворному развитию новых ростков психологического знания» [10, с. 136]. И даже ее характеристики как «психотерапевтических мифов» обычно сопровождаются признанием того, что эти мифы очень полезны [16].

В нашей стране теорию З. Фрейда долгое время не принимали под влиянием идеологических факторов — как «по своей социальной природе типично мелкобуржуазную теорию» (цит. по [10, с. 132]). А отношение к ней прodelало эволюцию, охватившую четыре этапа: 1) 10–30-е гг. прошлого века — период позитивного интереса к психоанализу, 2) 30–70-е гг. — период очернения, повлекший за собой ее замалчивание (как бы несуществование), 3) 70–90-е гг. — период критики в угоду идеологии, с заранее предопределенной негативной оценкой, 4) 90-е гг. — настоящее время — период критики, внешне свободной от идеологического давления предшествующего периода [10]. К характеристике этих периодов, данной Е.В. Левченко, можно добавить, что и на последнем этапе роль идеологических факторов тоже сказалась¹⁷.

В заключение следует отметить, что сам по себе тезис о влиянии социальных факторов на развитие научного знания является тривиальным для науковедения. Однако менее тривиален вопрос о соотношении влияния различных социальных факторов и о том, на что именно они влияют. Так называемая «мягкая программа», порожденная социологией науки (см. [37]), предполагает, что социальные факторы создают условия, влияющие на развитие научного знания, однако в самом знании не получают отображения. Скажем, закон всемирного тяготения мог быть открыт раньше или позже

¹⁷ Например, благосклонное отношение первого Президента России к различным видам экзотических и оккультных учений, таким, как астрология, и его, в лучшем случае, равнодушное отношение к рациональной науке, что создало благоприятную властную среду для издания правительственного постановления о «реабилитации» психоанализа, которым некоторые предрасположенные психологи поспешили воспользоваться. Симптоматично и то, что в нашей стране в середине 1990-х гг. абсолютным лидером по числу переводных изданий был З. Фрейд [4].

в зависимости от социальных условий, однако он действует всегда и повсюду вне зависимости от них. «Жесткая программа» настаивает на том, что социальный контекст производства научного знания получает отображение и в самом знании [37]. Принято считать, что различные научные дисциплины в различной мере чувствительны к социальным факторам (социогуманитарные науки — в большей степени, естественные и технические — в меньшей), а также в разной степени испытывают влияние социальных факторов, внешних и внутренних по отношению к самой науке. В частности, широко распространено мнение о том, что психологическая наука высокочувствительна к влиянию внутринаучных социальных факторов, таких, как специфические особенности научных школ и исследовательских направлений, их лидеров и представителей, личностные особенности авторов психологических концепций и т.п., испытывая куда меньшее влияние внешней социальной среды. Например, регулярно констатируется, что отечественная психология в силу своей удаленности от глобальных социальных проблем испытала весьма незначительное влияние советской идеологии и понесла намного меньшие потери, чем такие дисциплины, как социология, экономика, политология и философия.

Подобные представления нельзя охарактеризовать как абсолютно неадекватные. Действительно, степень «социализированности» когнитивного поля психологии — меньшая в сравнении с этими науками, психологическое знание испытывает меньшее влияние глобальных социальных факторов, в том числе и идеологических, а отечественное психологическое сообщество, в отличие, например, от политологического или экономического, не расколото на представителей различных социально-политических ориентаций. Вместе с тем для психологии характерно не отсутствие влияния таких

факторов, а их более тонкое, подчас замуфлированное, влияние. Они получают отображение не только в условиях производства психологического знания, но и в нем самом. Это отображение всегда может быть эксплицировано, чего психологи обычно избегают ради того, чтобы поддерживать ощущение «чистоты» своей науки. А «внутренние» социальные факторы в психологии во многом являются проекцией «внешних», обусловленных общим социокультурным контекстом ее развития.

Есть основания посягнуть и на расхожие представления о том, что социальные факторы — как «внешние», так и «внутренние», получая отображение в научном знании, лишь «засоряют» его, и, как это предполагает идеология науки со времен формирования науки Нового времени, нужно всячески стремиться к его очищению от их воздействия. Пример психологии показывает, что они нередко служат сильным стимулом развития научного знания, источником ярких научных идей и концепций, заслуживая более сложного, нежели однозначно негативного, отношения.

Литература

1. *Аллахвердов В.М.* Научное исследование как тривиализация обоснованной ахинеи // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М., 2007. С. 174–194.
2. *Андреева Г.М.* О «социологизации» социальной психологии // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 12–30.
3. *Арефьев П.Г.* Российские интеллектуальные элиты в компьютерных сетях: проблемы интеграции в структуру глобального взаимодействия // Социальные науки в постсоветской России. М., 2005. С. 262–301.
4. *Батыгин Г.С.* «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // Социальные науки в постсоветской России. М., 2005. С. 6–107.

5. Батыгин Г.С. Невидимая граница: грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России // Социальные науки в постсоветской России. М., 2005. С. 323–340.
6. Климов Е.А. Общая психология. Общеобразовательный курс. М., 1999. С. 138–139.
7. Климов И.А. Социальный состав и профессиональные ориентации российских обществоведов // Социальные науки в постсоветской России. М., 2005. С. 203–227.
8. Кольцова В.А. Актуальные проблемы методологии современной отечественной психологической науки // Психологический журнал. 2007. № 2. С. 5–18.
9. Корнилова Т.В. Означает ли свободная конкуренция идей отказ от критериев научности в психологии // Методология и история психологии. 2007. Вып. 3. С. 120–129.
10. Левченко Е.В. Психоанализ и психологическое знание: динамика отображений психоанализа в отечественных учебниках психологии // Методология и история психологии. 2006. Вып. 2. С. 128–137.
11. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997.
12. Мазилев В.А. Научная психология: тернистый путь к интеграции // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 1: Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 205–237.
13. Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 113–169.
14. Мироненко И.А. О концепции предмета психологической науки // Методология и история психологии. 2006. Вып. 1. С. 160–173.
15. Олешкович В.И. Некоторые подходы к методологии психологии // Методология и история психологии. 2007. Вып. 1. С. 20–36.
16. Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М., 2007. С. 119–135.
17. Петров М.К. Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. М., 2006.
18. Плюснин Ю.М. Эпистемология и стратегия научного поиска // Наука. Инновации. Образование. М., 2007. С. 74–95.
19. Прайс Д.Дж., Де С. Тенденции в развитии научной коммуникации – прошлое, настоящее, будущее // Коммуникация в современной науке. М., 1976. С. 93–109.
20. Рапопорт С.С. Социокультурная компетенция интеллигента и здравый смысл // Социальные науки в постсоветской России. М., 2005. С. 157–180.
21. Семенов В.Е. Современные методологические проблемы в российской социальной психологии // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 38–45.
22. Сироткина И.Е., Смит Р. «Психологическое общество»: к характеристике феномена // Психологический журнал. 2006. № 1. С. 114–121.
23. Смирнов С.Д. Методологический плюрализм и предмет психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль, 2004. С. 276–291.
24. Смит Р. История психологии. М., 2008.
25. Соколова Е.Е. Апология системного монизма // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 15–23.
26. Турецкий М.И. Шломо Зигмунд Фрейд // Методология и история психологии. 2006. Вып. 2. С. 113–127.
27. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
28. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
29. Хозиев В.Б. К вопросу о месте консультативного метода исследования в грядущей парадигме психологии // Методология и история психологии. 2007. Вып. 1. С. 190–206.
30. Школы в науке / под ред. С.Р. Микулинского и М.Г. Ярошевского. М., 1977.
31. Щедровицкий Г.П. Методологическая организация сферы психологии // Методология и история психологии. 2007. Вып. 3. С. 133–151.
32. Юревич А.В. «Методологический либерализм» в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–19.
33. Юревич А.В. Наука при медиакратии // Наукоеведение. 2002. № 1. С. 69–85.
34. Юревич А.В. Национальные особенности российской науки // Наукоеведение. 2000. № 2. С. 9–23.

35. Юревич А.В. Психология и методология. М., 2005.
36. Юревич А.В. Перспективы парадигмального синтеза // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 3–15.
37. Юревич А.В. Социальная психология науки. СПб., 2001.
38. Юревич А.В. Социологический анализ психологического сообщества // Психологический журнал (в печати).
39. Юревич А.В. Типология психологических фактов // Вопросы психологии. 2006. № 5. С. 3–13.
40. Юревич А.В., Цапенко И.П. Глобализационные процессы в современной российской науке // Российский химический журнал. 2007. Т. LI, № 3. С. 91–98.
41. Юревич А.В., Ушаков Д.В. Макропсихология как новая область психологических исследований // Вопросы психологии. 2007. № 4. С. 3–15.
42. Ярошевский М.Г. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке / под ред. С.Р. Микулинского и М.Г. Ярошевского. М., 1977. С. 7–97.
43. Balzer H.D. Soviet science on the edge of reform. Boulder, 1989.
44. Castel R., Castel F., Lovell A. The psychiatric spciety. N.Y., 1982.
45. Coates J. The next twenty-five years of technology: opportunities and risks // 21st century technologies: promises and perits of dynamic future. OECD, 1998. P. 33–46.
46. Hargens L. Using the literature: Reference networks, reference contexts, and the social structure of scholarship // American sociological review. 2000. Vol. 65, December. P. 31–46.
47. Karpov Y.V. The Neo-Vygotskian approach to child development. Cambridge, 2005.
48. Rose N. Powers of freedom: Reframing political thought. Cambridge, 1999.